

А. С. БУХАРЕВА

Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор)

Из материалов для биографии

Я не слыхала от Александра Матвеевича, чтобы кто-нибудь имел на него влияние по отношению к намерению его поступить в монашество. Но можно сказать утвердительно, что силою, движущею его в монашество, не был аскетизм: он полагал, что как во всяком деле нужны специалисты, так они нужны и в деле добывания истины; в монашестве видел он возможность *без развлечення* служить делу раскрытия Христовой истины, по духу православного вероучения. При вступлении в монашество двигало и владело им всецело одно только чувство, это — любовь к Христовой истине и пламенное желание, чтобы ею прониклась вся жизненная действительность. Выяснению значения православия и хотел он послужить путем лекций и богословских трудов; и отдал себя всего этому служению, посвятив ему лучшие годы жизни, все помыслы свои и весь юношеский душевный жар. Ему было 22 года, когда он постригся в монахи.

Это был юноша-энтузиаст, совершенно чуждый традиционному монашескому аскетизму. В доказательство приведу хоть следующий пример: в самый разгар своей пылкой религиозности и когда уже созрело у него решение поступить в монашество, брал он из местной библиотеки сочинения Вальтера Скотта и зачитывался ими вплоть до того времени, как в Лавре ударяли к заутрене. Чтение это приводило его в такое настроение, что, не ложась спать, отправлялся он прямо к заутрене в лаврский собор. Чтобы осветить ту область идеала, в какой вращались тогда его помыслы, я бы хотела его собственными словами передать, что говорил он про охватывавшее его тогда настроение, хотя это трудно; он говорил, что при входе в храм у него было такое ощущение

ние, как будто в храме все обновилось *, — обновились и иконы, и с них при сиянии лампад смотрят живые лица... и лица молящихся в храме людей, как живые иконы... Необыкновенной сладостью отзывались в душе слова читанного в храме псалма: «Истина возникнет от земли, и правда приникнет с небес, и земля даст плод свой...» И охватывало предчувствие имеющего в мире свершиться обновления... хотя бы в далеком будущем... Мысль его обнимала человечество, и мир представлялся ему храмом, в котором ходатайственно священнодействует перед Отцом, как перед Своим Богом по вочеловечению, Сам Сын Его, Богочеловек. Христос в судьбах мира совершает Божественное Свое священнодействие, приводя человечество под благоволение Отца и под осенение Святого Духа.

Таким образом, и при чтении Вальтера Скотта фантазия его работала в таком направлении, чтобы искать отражение небесного в земном, образ Божий — в людях и в жизненной действительности — присутствие Божественной благодати.

В предисловии к письмам к Гоголю Александр Матвеевич говорит, какое влияние имело на него чтение статей Белинского. Говорит он о себе в третьем лице.

Итак, все у него слагалось так, что и чтение Белинского, которого он читал почти ребенком, Вальтера Скотта и Шекспира (последнего он особенно любил), чтение философских книг, — все решительно способствовало только тому, что процесс развития его мысли продолжал совершаться тем самостоятельным путем, на котором выработалось его миросозерцание. Наконец, имели значение и его жизненные обстоятельства, т. е. обстоятельства его детства, о которых буду говорить. Александр Матвеевич всегда говорил, что с самого его детства судьба его слагалась так, что все в его жизни способствовало развитию и росту его миросозерцания, завершившегося цельною богословскою системой.

Ход развития мысли Александра Матвеевича был очень быстрый, если взять во внимание, что письма к Гоголю были написаны в 1848 г. (как это значит в заглавии), следовательно, через два года по вступлении Александра Матвеевича в монашество; в них вполне уже выразилось его миросозерцание; и нельзя не видеть, что то, что письма эти в себе содержат, давно уже созрело в мыслях и чувстве их автора. Вскоре за тем были написаны

* Александр Матвеевич говорил иногда, что важно освободиться от некоторых мертвых представлений, привившихся иногда силою рутины, чтобы в новой и живой силе почувствовать Божественное.

и статьи, которые вошли в состав книги о православии в отношении к современности. Но вот эта последняя книга и послужила главным образом поводом к гонению на ее автора.

На первых порах монашеского поприща Александра Матвеевича никакой резкой перемены в его образе жизни не произошло: он продолжал заниматься исследованием Св. Писания и, поставив себе задачей выяснение внутреннего значения православия, он объяснял истины православия путем лекций и письменных работ, которые, впрочем, были напечатаны только впоследствии. И не думал он никогда выступать в качестве протестанта. Признавал он всегда большую заслугу за православным духовенством, что сохранило оно для России целыми догматы православия; но, сохранивши их целыми, духовная наука не успела еще, по его мнению, заняться полным раскрытием их внутреннего значения, так что не только миряне, но и самое духовенство, в своем большинстве оставались не ведавшими и не уразумевшими внутреннего содержания православия. Впрочем, говорил Александр Матвеевич, было время и у православной России, когда у нее к такому всестороннему раскрытию православия не было нужды, потому что и без того православные русские, содержа догматы православия с детскою, у большинства с безотчетною, простотою, тем не менее все стороны своей мало-сложной жизни умели настраивать по духу православия. Но уже наступила пора и крайне настоятельная потребность для России раскрывать для себя и для других сколько возможно полнее и отчетливее свет и силу православия, и тем настоятельнее эта нужда, что в религиозное сознание православных успело уже проникнуть много такого, что прямо не согласно с существом православия.

Мне бы хотелось изложить в сжатом виде некоторые основные мысли миросозерцания Александра Матвеевича. Постараюсь это изложить, насколько сумею и пользуясь его подлинными выражениями.

Истина Господня пребывает ввек едина и непреложна; но отношение наше к Господней истине в разные времена бывает соответственно различным их особенностям и нуждам, а потому оно неизбежно разнообразится, хотя сила дела в этом отношении всегда должна быть одна и та же. Понятно, что и в наше время должно верующим стоять к ней также в особом, свойственном нуждам нашего времени отношении. Хорошо было бы проследить весь ряд времен, прожитых уже православием, сличая их с нашим временем: тогда бы мы лучше и яснее увидели, что многое нужное или достаточное для того или другого време-

ни уже недостаточно раскрывает (а иногда даже более закрывает) свет и жизнь православия.

В настоящий раз возьмем мы во внимание самые первые времена христианства. В первые века христианства, среди гонений сначала от иудеев и потом от языческого мира, христианину православному для соблюдения и раскрытия в себе спасительного света Христова нужно и достаточно было чистосердечного и твердого исповедания веры во Христа с решительным отвержением иудейства и язычества, потому что это соединено было с подвигом мученичества, которое вводило христиан в самое живое общение в страданиях Христовых и потому преизобильно раскрывало в них светоносный и животворный Дух Христов.

Посмотрим теперь, как определяли и отстаивали догматы православия в великий период времен семи Вселенских соборов по тогдашним потребностям веры. После того как св. мученики своим общением в Христовых страданиях, в Христовой любви к людям, выразившейся в Его страдании и смерти за людей, победили как иудейство, ревнующее за мертвую букву закона, так и язычество, обожающее одни призраки Божественного, чадам Св. Церкви открылось ничем не стесняемое отвне удобство к проявлению в себе той силы веры, чтобы Христос вселился в их души как верховное начало всей их деятельности и жизни, как Бог их мысли, чувства, желаний, всякого их движения, Христос Бог, Которым, по слову Писания, «мы живем, движемся и есмь»¹. Между тем к этому внутри самой Церкви открылись немедленно страшные затруднения и препятствия. Появились ереси, ложные толкования, явилось посягательство на самое значение Христа как верховного начала, как истинного Бога, явились другие ереси, для ниспровержения которых православным приходилось подвизаться и подвигами до крови отстаивать самое существо христианства. Открылась ересь, настаивавшая на том, что в Самом Христе, *основании благодатного соединения человека с Богом*, человеческое с Божественным соединилось только случайно, что Христос родился от своей матери простым человеком, с которым за его святость уже впоследствии соединился Бог-Слово, пребывая в своей личности всегда отдельным от человечества Христова, отчего самое основание *союза Бога с человеком* распалось. Живое чувство православия тотчас же заметило ниспровержение этой лжи всей тайны нашего во Христе спасения. И новые великие подвиги нужны были для торжества той истины, что ради спасения грешных людей Сам единосущный Отцу Сын Его собственным лицом нисшел до восприятия человеческой природы.

Затем явилось ложное учение, будто во Христе человечество поглотилось Божеством; отчего грешные люди должны были бы потерять доступность или сродный с их природою способ к своему соединению с Божеством, *да и самое это соединение с Богом грозило бы им неминуемым поглощением их человечества* вместо спасения. И опять потребовался тяжкий подвиг православия для раскрытия и утверждения той истины, что в Спасителе, в единстве Его личности соединились оба естества — Божеское и человеческое, и это ради людей — для упразднения естественной человеческой греховности, для приведения человека со всею целостью его личности и природы к Богу — требовался подвиг православия, чтобы отстоять возможность для христиан жить своею личностью и всеми сторонами своей природы и здесь, на земле, как на небе, с Христом в Боге.

Итак, подвизавшиеся за православие в период Вселенских соборов² стояли, собственно, не за *мертвую букву веры*, а за самую силу дела — *союза людей с Богом*.

Рассмотрев, как и за что в силе дела подвизались защитники православия, обратимся к нашему времени. Ложь древних ересей, волновавшая весь древний христианский мир, действует и в настоящее время в той же силе и обширности, как и в период Вселенских соборов, но только уже раскрывается в инаковых видах. Есть и прямо открытое, не признающее Христа Богом, арианство; но и такое нынешнее арианство имеет корнем своим уже не догматические недоразумения и заблуждения веры, но то направление веры, по которому многие христиане не хотят признавать Христа верховным, живым началом своей мысли, своей воли, сердца и воображения и, следовательно, всей области жизни общественной и частной. Это и есть повторение в силе дела того древнего полуарианства, по которому иные признавали Христа Богом, не воздавая Ему всецело и решительно Божией чести, и с которым древнее православие никак не хотело иметь единения. Весьма еще замечательно, что поборники православия никак не сдавались на громкие их величания Христа премудростию, силою Божией, сиянием славы и пр., но требовали от ариан одного точного слова о Божестве Христовом, требовали такого исповедания веры, что Христос есть именно единосущный Отцу Сын, следовательно, по самой сущности — Бог.

С другой стороны, и ныне какой-нибудь Евтихий, ратуя против направления вести дела человеческие в отдельности от Божественного, впадает в другую, столь же лживую, односторонность и начинает подавлять человеческое Божественным, забывая, что во Христе, лично соединившем в Себе человечество с Божеством, человечество не подавлено и не поглощено Божеством.

Бросим, говорят, наш слабый человеческий ум, воображение, особенно эту брэнную телесность, будем попирать и уничтожать нашу нравственную личность, вознесем духом к небесному и Божественному! Хорошо; но не надо забывать и того, что во Христе осталось целым и человечество с душою разумною и с *родным* нам человеческим духом и телом, и это для сохранения и возвышения нашей личности в истинном ее достоинстве. Подавлять духовным направлением человеческий ум или другие человеческие силы * вместо разностороннего их раскрытия во Христе, отстранять самую телесность от участия в благодатной духовности значило бы мириться с ересью евтихианства, признававшего во Христе поглощение человеческого Божественным и вместе с монофелитами³ не признавать у Христа вместе с Божией и человеческую волю и деятельность, за какую неоцененную истину Св. Максим Исповедник готов был стоять до смерти, хотя бы один против всех в мире.

Нужны ли прямые свидетельства древних духоносцев относительно духовности? Один из них внушал на тот случай, если бы юный инок своими юношескими парениями стал возвышаться над землею к небу, — удержать его за ноги и поставить на землю.

Вот духовность по образу и духу Христа, сошедшего с неба на землю! И притом Христос приходил на землю в значении и расположениях Агнца Божия, взяющего грехи мира, и так как эта, на себя принявшая всю ответственность за грехи мира, любовь есть дух всей Его земной жизни, всех Его состояний и действий, то именно в таком духе и должна быть духовность всех наших как внутренних расположений и мыслей, так и внешних отношений и поступков. Итак, если мы, ревнуя по Богу и Церкви, не внемлем или мало внемлем разнообразным нуждам и затруднениям меньших Его собратий, в среде ли гражданской и народной или в области мысли и чувства, такую, не по Христу высящуюся к небу духовность, следует еще поставить на землю, которую Христос так возлюбил и которая во Христе становится уже жительством небесным. Не надо делать из духовности христианской какое-то страшилище, которого пугаются все труждающиеся и обремененные в земных нуждах и интересах; а то христианство оказалось бы как будто данным не для земли и земнородных, — чтобы и на земле была воля Отца Небесного,

---

* Направление это имеет широкое распространение начиная с древних времен и в настоящее время делает свои завоевания в области духа.

как на небе. Мы настолько будем верны духу святоотеческого ревнования по православию, сколько самое долнее, земное, будет у нас устроиться по началам Христовой истины, и обратно, сколько самая истина Христова будет нами раскрываема и разъясняема в значении начала для всего долнего и мирского, т. е. в том самом значении, в каком истина явилась нам в лице Самого Христа, сошедшего с неба на землю.

Александр Матвеевич утверждал, что догматы вселенского православия не являются только отвлеченными формулами, а, напротив, содержат в себе самое существо христианства, они полны жизненного значения; говоря это, он ссылался постоянно на святоотеческие свидетельства.

О монашестве Александр Матвеевич полагал, что оно, как чин равноангельский, призвано тоже служить человечеству проведением Христовой истины в мирские среды для упразднения в них зла и молитвенными подвигами наиболее привлекать к ним Божию благодать. Александр Матвеевич никогда не хотел — может, даже не умел — в деле разъяснения православного вероучения принимать в соображение какие-либо интересы, чуждые самой вере, как не принимал в соображение и неблагоприятные последствия, которые могли от того произойти лично для него, а продолжал писать и говорить все в том же духе. Представителям того вида аскетизма, которые все земное отвергают как тлен и прах, смотрят на все земное как на боговраждебный мир, во зле лежащий, яростным гонителям человеческой природы и всего, что заключает в себе человечество с его наукою, искусством и всеми радостями жизни, Александр Матвеевич поставлял на вид, что Сын Божий, Сам основание всех судеб и состава мира, — сходил на землю под условия земного порядка вещей, Им же предопределенного, принял человеческую природу с умом человеческим, сердцем, волею, воображением и с самим телом человеческим и взял ее в неразрывный союз со Своим Божеством ради того, чтобы в каждой области человеческого бытия святилось имя Отца Небесного, и ни одну такую область не дает Сын унижить. Христос есть свет миру: светит Он даже во тьме язычества или неверия идеями красоты, добра и правды, и отвергать что-либо относящееся к такому свечению — значило бы отвергать Его Самого. А отвергать науку, искусства — значит отвергать мысли Творца, осуществленные в творении; подвергать отвержению все радости жизни, это — противиться мысли Того, Кто для услаждения глаз человека одевает лилии дивною красотою... А что до мирового зла, то Христос Сам на Себе понес его бремя, на Нем оно отяготело всей своей страшной мощию и один

Он над всем Судия... «Господь творил мир, — писал Александр Матвеевич Александру Алексеевичу Лебедеву, — Господь творил мир просто и мощно — рече и быша; но в то же время и Себя обрекая на самозаклание за мир: движением именно этой любви проникнуто было все творчество и на Божественном самопожертвовании обосновано бытие мира, незыблемо от возможных случайных нестроений».

Патриотом Александр Матвеевич был, как говорится, до мозга костей, горячо любил он Россию и страшно боялся, чтобы православная Россия не потеряла чистоты своих догматов и чтобы не ушло от нее православие. Он был такого убеждения, что всякий догмат осуществляется в жизни и, претворяясь в духе народа, определяет его судьбы и его духовный рост. Я спрашивала Александра Матвеевича, почему в печати не излагал он свои мысли языком более удобопонятным для светских людей, подобно тому как он излагал их устно; он на это сказал, что хотелось ему ввести наиболее чистые понятия о православии — или христианстве — в религиозное сознание людей благочестивых, но что боялся он, чтобы не приняли они его воззрения за какое-то новшество, если б он стал употреблять выражения, более принятые в светской литературе. Хотелось ему также, чтобы православные русские умели отличать истинное добро от мнимого добра, настоящее зло — от мнимого зла; а то почитается за грех многое такое, что, в сущности, не есть грех, как, напр<имер>, песни, театр и проч. Но отказаться от того, что почитают за грех, большинство из них все-таки не может и не хочет, и вот является привычка мириться с грехом, утрачивается внутренняя цельность и получается какая-то спящая совесть и расшатанность всего внутреннего существа человека.

Вопрос о том, под чьим влиянием Александр Матвеевич принял монашество, падает сам собою, если взять во внимание, что мировоззрение его выработалось (или вырабатывалось), когда еще он был студентом Академии, а это я лично от него слышала. Трудно допустить, чтобы Александр Матвеевич при таком самостоятельно развивавшемся миросозерцании мог отдать себя вполне под руководство того монаха, влиянию которого приписывали некоторые вступление его в монашество. Если память не изменяет мне, это был инспектор Академии и звали его, помнится, Евсевием⁴. Я мало о нем слышала от Александра Матвеевича, но от слышанного осталось у меня такое представление, что это был человек не из мудреных, хотя самого искреннего благочестия. Александр Матвеевич к нему часто ходил, и он старался поддерживать его в намерении постричься, что было, по-види-

тому, и лишним, так как у самого Александра Матвеевича намерение это приобрело уже силу бесповоротного решения. Те, кто близко знал Александра Матвеевича, мне кажется, не могли бы допустить и мысли, чтобы кто-нибудь в таких вещах мог иметь на него влияние, — мысль его была самобытною, а независимость духа была отличительною чертой его характера. Уважал он эту независимость и в других и всегда желал, чтобы психическое развитие каждого совершалось сообразно его личным особенностям (при благонаправлении только со стороны более опытных) — в силу слов Христа: «Учителем не называйте себе никого на земле»⁵; подавляюще действовать на чью-либо индивидуальность считал он за грех, и по поводу этого говорил он иногда, что Христос Своею собственной человеческой индивидуальностью постоит за индивидуальность каждого из людей, как за святую тайну человеческого бытия. Также и относительно воззрений не считал он благотворными для духа воззрения, принятые на веру, в силу авторитета и без внутреннего убеждения. Никогда не хотел он и для меня быть авторитетом. Но, разумеется, был он счастлив, если воззрения его принимались кем-либо по внутреннему убеждению.

А что касается личных особенностей самого Александра Матвеевича, то его особенностью, можно сказать основною чертою его характера, было уметь уважать... Люди сороковых годов писали нередко о нравственном долге уважать в человеке образ Божий. Белинский иногда особенно хорошо об этом писал, и это пленяло фантазию многих, хотя у большинства так это и оставалось в области одной фантазии; понятие о том, как надо уважать в человеке образ Божий, проникло глубоко в сознание Александра Матвеевича с самых юных его лет и воспринято было им это понятие всею цельностью его духа: он уважал человека и в интеллигенте, и в неграмотном, во взрослом и в ребенке; это чувство было так ему присуще, что казалось ему прирожденным и не изменяло ему ни в больших, ни в малых вещах; даже в порывах самого пылкого против кого-либо негодования в основе его душевных движений оставалось всегда уважение к человеку. Презрения не знала его душа, не постигал он его ни своим умом, ни сердцем. И так, видно, устроены люди, что чувствующее человеческое сердце подает весть другому человеческому сердцу; Александр Матвеевич, умевший уважать человека, умел привлекать к себе много сердец и умел вызывать наружу все лучшее, что есть в человеке, иногда даже такое лучшее, что оставалось как бы похороненным на дне души. «Вы говорите, — писал он к одной из своих знакомых, — что в каждом человеке есть

какой-то другой, внутренний, человек, а я думаю, что этот внутренний человек и есть именно Христос. Умейте уважать в каждом человеке образ Христа, хотя бы в ином и погребенного, как был Он погребен после Его распятия и смерти».

Хочется мне сказать еще несколько слов об отношении Александра Матвеевича к природе. С самого детства и до конца своей жизни он особенно любил природу и умел находить в ней неиссякаемый источник красот; она представлялась ему как бы одухотворенною, и его отношение к ней было одухотворенным. Во время наших прогулок под впечатлением красот природы говорил он иногда чудные вещи... Он говорил, что по силе тайны воплощения, действовавшей уже в самом акте творения, Сын Божий от начала мира соделался первенцем во всем мироздании и как бы породнился не только с человеком, но и с последнею былинкою в мире, что таинственный смысл этого и заложен в природе, осеняемой Духом Святым. Александр Матвеевич полагал вообще, что в каждой системе мирозерцания, как бы ни была она ошибочною, нечто есть от истины, и это нечто находил он и в пантеизме, насколько дух человеческий инстинктивно ощущает заложенную в природе Божественную тайну. Говорил он удивительно: это был целый ряд высоких помыслов и вдохновений... Его отношение к человеку, к природе и ко всякой вещи создавало какую-то чудную атмосферу*.

И это не было только в отвлечении мысли, а в живом и непосредственном чувстве. Мне лично даже казалось иногда, что и самые воззрения Александра Матвеевича зависели много от той жизненной интенсивности, с какою воспринимал он все впечатления: так и природа получала в его душе такой сочувственный отзвук, что, казалось, одухотворялась и жила вместе с ним. Скрытый закон сродства или гармонии духа человеческого с природою выражается в том, что зрительное восприятие предметов природы находится в живой связи с нашим сознанием, и то, что мы видим, находится столько же внутри нас, как и вне нас. Бывает, что людей обвиняют в преувеличениях только потому, что им дана способность ярко видеть предметы. Ярко видеть —

---

* Я уверена, что в этом согласятся со мной все те, которые близко знали и любили Александра Матвеевича. Всякий раз, как меня просили писать о нем воспоминания, в моем представлении вставал его благородный образ, и я чувствовала свое бессилие воспроизвести его. Вот и теперь недовольна я написанным: чувствуешь, что все было лучше, много лучше, чем как описываешь, а между тем так бы хотелось все это воспроизвести именно в том чудном и жизненном свете, как осталось оно жить в моей памяти и воображении.

разве это не есть искусство, настоящее жизненное искусство? Кому наиболее присуща инерция, тот и видит одну инерцию вещей, а дух жизни дает иному в наслаждении природою ощущать Бога, первоисточника красоты и гармонии. Религиозное чувство Александра Матвеевича заключало в себе живое ощущение воплотившегося Бога, и этим чувством определялось его отношение к Богу, к людям и к самой природе.

II

Александр Матвеевич был сын диакона села Федоровского, Корчевского уезда, Тверской губернии. Отец его был человек кроткий, его все любили — и прихожане, и причт, — все, кто ни знал его. Это была душа простая, ясная и детски-наивно верующая в добро. К людям науки, и в особенности духовной, он относился с почти благоговейным уважением: любил читать и рассуждать со своими детьми, даже с теми, которые едва еще вышли из младенческого возраста. Рассуждая с ними, он словно забывал про их возраст и часто говорил с ними о вещах, которые, казалось, могли быть выше их понимания.

Вот один из таких разговоров, записанный Александром Матвеевичем впоследствии: «Это было рано, так рано в моем детстве, что я почти ничего не помню более раннего; во время прогулки с отцом я обратился к отцу с таким вопросом: “А что, должно быть, Бог беден, очень беден?” — “С чего ты это взял?” — спросил озадаченный отец. — “Да как же? Вот Бог так любит бедных, так любит, чтобы и мы помогали; видно, Он Сам беден, потому так заступает за бедных”. Отец, разумеется, растолковал мальчику, что *наш Бог всем обладает и все от Него* (слова эти Александр Матвеевич запомнил, как буквально точные слова его отца), но что Он такой уж милостивый, такой добрый, Отец наш, что берет к сердцу наши нужды и бедность, как будто Он Сам нуждается, и помощь бедным принимает так, как бы она Ему Самому оказывалась. Тут уж недолго было отцу объяснить своему любимому и любящему его мальчику, что Бог, по Своей любви к нам, бедным и грешным людям, Сам видимо приходил в наш мир. Сам сделался человеком, был сначала мальчиком, маленьким, и наши беды, особенно главную и коренную нашу беду — провинности наши перед Ним, взял действительно на Себя, как будто и действительно это были собственные Его беды и провинности. «Это похоже на то, как бы ты из окна увидал, что кто-нибудь несет бремя совсем не по силам, и, собственно, не

несет, а только падает с этим бременем, а ты, положим, мог бы поднять и снести эту тяжесть, и вот ты бы сам вышел к этому бедняку на улицу и взял бы на свои плечи тяжелое это бремя, так что оно уже тебя самого давило бы своею тяжестью, как и вправду твое бремя. Понимаешь? Вот так-то и потому-то Бог любит бедных, нуждающихся людей».

Так, в детскую душу мальчика, по причине раннего развития в нем умственной восприимчивости, вселялись семена, если еще не разумения, то предразумения глубоко разумной простоты нашего искупления, хотя и неисследимой по своей высоте и глубине, по широте и протяжению своего развития.

К памяти отца Александр Матвеевич до конца своей жизни относился с благоговейным уважением и с глубочайшею нежностью. За несколько часов до смерти вспоминал он об отце, и, вспоминая, каким трогательно глубоким голосом певал он иногда духовный кант «Не напрасно Мариины слезы проливаются», какой умиленной нежностью к отцу наполнялась при этом его детская душа!

Несомненно то, что многое дали Александру Матвеевичу эти беседы с его отцом; благодаря детской впечатлительности и самому нежнейшему чувству к отцу слова последнего глубоко запечатлелись в его детском сердце; но несомненно также и то, что многое далось ему путем наследственности — от того же отца, натура которого была прямо благодатная. С каким-то сердечным проникновением мог он подниматься до понимания великих вещей, хотя и давалось это ему иногда в виде зачатков, предчувствий... Что не без влияния наследственности образовалось у Александра Матвеевича самое его мировоззрение, в этом убеждает меня все то, что я знаю об его старшей сестре — Екатерине Матвеевне; некоторые мысли, у отца бывшие, так сказать, в зачаточном состоянии, выросли у нее в определенные понятия, и впоследствии она легко и свободно их выражала на своем своеобразном языке, так что Александр Матвеевич, когда был уже студентом Академии, искренно и без всякой натяжки считал ее много умнее себя, потому что она, не будучи, кроме грамоты, ничему учена, не имевши случая упражнять своего ума, выражала иногда мысли, которые давали толчок работе его собственной мысли. Ей всецело передал отец свой духовный облик, передавши ей и свой покойный характер. Александр Матвеевич говорил, что до мелочей походила она на отца: и делала все так же тихо, как он, и все у нее спорилось, как у него же. И та же была благодатность, что и у него...

От своей матери Александр Матвеевич унаследовал горячность и страстность ее натуры. Но эта наследственная черта сложилась

у него так, что легла в самую глубь его характера. Александр Матвеевич сам признавал, что в характере его много страстности. Да и не был он вообще проповедником бесстрастия. К нему тоже вполне приложим некрасовский стих, относящийся к Белинскому:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели...⁶

Горячими часто называют людей, которые, быстро воспламеняясь, в припадке гнева способны иногда и обидеть, и оскорбить человека, хотя у иных это скоро и проходит, так что иногда наутро же забывают они о причине, вызывавшей их гнев. Александр Матвеевич вспыхивал, кипел и волновался, но это не было у него чем-то скоропреходящим — мог он от того же кипеть и волноваться и много времени спустя; но никогда не возвышал он голоса, никогда не унижался до желания обидеть и нанести удар самолюбию человека. Сам способный сильно чувствовать, всегда щадил он чувства других. Нечего и говорить про то, что не был он злопамятным, что не мог он питать злого чувства ни против кого; но чтобы забывать... то едва ли он что забывал... Тонкая, одухотворенная организация есть дар, неразлучный со страданием; всякий фальшивый звук, отзываясь болезненно в сердце, причиняет страдание, которое не забывается. Натура его была горячая и непосредственная — одна из тех, для которых жизнь является часто драмою; глубина и сила их чувства приводит часто в движение духовные силы людей, их окружающих, давая раскрываться чувствам и побуждениям, составляющим коренное содержание души того или другого человека!.. Приходят иногда в движение и злые инстинкты, и, как слепые стихии, несут они часто беду и горе в их личную жизнь. Против опасностей, какие могут встречаться таким натурам, у Александра Матвеевича был сильный оплот. Это — твердо выдерживаемое им правило: враждовать против самых начал лжи и зла, а не против людей. Быть может, индивидуальность его выразилась бы в жизни иначе, если б не тот идеал, которому подчинилось все его существо.

Я говорила, по каким побуждениям избрал Александр Матвеевич поприщем для своей деятельности монашество. Принимал он монашество не с мыслию об отречении от своей нравственной личности, а с мыслию о *счастье* посвятить свою жизнь и свои силы служению Христовой истине и послужить родине, поработавши над сокровищем, которое дано ей в удел, над ее золотом,

еще не очищенным от земли и руды (говоря о православии, Александр Матвеевич часто называл его сокровищем, золотом).

Но случилось так, что на избранном им поприще Александр Матвеевич встретил враждебность к тому, что составляло святая святых его помыслов, так что деятельность его на нем сделалась драмою всей его жизни... и надо удивляться, как мог он до конца своей жизни сохранить уважение к людям, встретивши в своей жизни так много лжи и лицемерия, тогда как сам он всегда подходил ко всему с правдивой и горячей душой.

Трудно бывает вообще разгадать, в чем лежит тайна индивидуальности того или другого человека, но у Александра Матвеевича слишком отчетливо обозначились наследственные черты...

«Удивительное Божие создание человек! — говорил Александр Матвеевич. — Свет истинный, сказано, просвещает всякого человека, грядущего в мир. Даже и то, что относится к предварительному только приготовлению прихода того или другого человека в мир, озарено вышним светом, и, по крайней мере, мерцание этого света обозначается потом и может быть выслежено в самом этом человеке».

Вспоминая про время своего ученья в Семинарии, Александр Матвеевич говорил, что тогда он много читал и что сильно его занимали и волновали вопросы, относящиеся к области жизни и мысли, а также и теологические вопросы. Мысль его рано начала работать в богословском направлении; но в Семинарии в мировоззрении его была какая-то двойственность, под влиянием которой ломился его дух... те товарищи, которые говорили, что по переходе в Академию стал он неузнаваем, что слишком заметно было у него угнетенное состояние духа, — эти товарищи, очевидно, не были настолько к нему близкими, чтобы заметить тот мучительный душевный разлад, который переживался им в Семинарии. В Академии, на первом курсе, последовал уже кризис, после которого постепенно стал он выздоравливать духом под влиянием слагавшегося у него уже цельного мирозерцания. Вспоминая о том времени, когда им овладевало такое сильное душевное недомогание, он говорил: «Мне надо было строиться на новом, а то мне нечем было бы жить». Это его буквальное выражение. Помню, я как-то ему говорила, что когда читаешь Шекспира, то невольно приходит на мысль, что есть в жизни какие-то враждебные силы, которые таят в себе гибель для лучших, благороднейших созданий. Он на это сказал, что любил он очень читать Шекспира и в Семинарии, но что тогда его самого глубоко смущала мысль о той страшной энергии зла, которая действует в мире, смущало это его, пока не преклонился он пред

той великою тайной, как бы, так сказать, завитой в самом творении, что добро в самом своем угнетении и распятии своем победоносно, а ложь и зло и в самом своем торжестве низлагаются, так что в Академии читал он уже Шекспира с просветленным чувством.

Хотя всякого рода жизненные огорчения не могли, конечно, не наложить своей печати на характер Александра Матвеевича, но в нем всегда было много воодушевления и он мог воодушевляющим образом действовать на людей.

Да и как мог Александр Матвеевич не быть общительным, при его отношении к людям. Часто он говорил, что любит он простые русские души, ласковые и приветные; и такие души всегда платили ему взаимностью и со своей стороны. Педантичной серьезности он не любил, особенно если чуял в ней что-либо напускное: всякий вид фарисейства был ему неприятен, и от всего напускного приходил он всегда в нескрываемое нетерпение. Александр Матвеевич сам не мог не признавать своей способности привлекать людей к себе и объяснял это тем, «что в нем всегда просвечивала внутренняя живость, какой-то внутренний огонек, всегда теплившийся в его душе».

Не все это прямо и ясно замечали, но все это чуяли, и все, естественно, так сказать, жались к этому огоньку — ведь нравственная наша атмосфера везде довольно сыровата, рады и маленькой искре; благодаря этому свойству у него с отроческих до поздних его лет, во всяком его положении и обстоятельствах не оскудевали задушевные, интимные друзья, друзья не до черного лишь дня.

Впрочем, под словом *все* разумел он, конечно, то значительное число людей его любивших, которых находил он везде и во всякую пору своей жизни. Но не все так относились к нему; некоторым казался он непонятым с его непонятым для них мирозерцанием, а другие с первых встреч становились к нему во враждебное отношение, встретив у него мирозерцание, противоположное их взглядам или неблагоприятное для их интересов. Но зато многие сразу с ним сходились, а иные так близко — что роднились с ним душой, чутким сердцем понимая заключающуюся в его судьбе драму, и привязывались к нему на всю жизнь.

